Эдуард
ГРАФОВ

А зори на Таганке шумные!

Вест. Кавк. - 1992. - 18 июля. - с. 3.

...И я понял, что я так же стар, как молод Театр на Таганке, которому исполнилось нынче 10 лет. Ах, куда бегут годы! Украсим же колоннаду здравиц капителью шутки!

Новация состоит в том, что театр начинается с вешалки. Как раз из-под вешалки женский голос густым басом сообщил: «Король умер, Гамлет уже сидит на сцене».

Но лучше по порядку. Я пришел в метро в траурном светло-сером костюме. У эскалатора меня встретила толпа людей, случайно закованных в латы и алебарды. Они радостно скорбели. За ларьком мороженого маялась тень отца Гамлета.

На перроне меня по-сестрински взяла под руку Офелия.

— Есть сезонки в несколько театров. Но за каждую вы возьмете по два билета в метро, — прошептала она.

— Безумная! — отказался я. Офелия сделала вид, что собирает цветы.

Два молодых человека в купальных костюмах и велосипедных тапочках вдруг стали умолять меня (разумеется, по-датски):

— Не сердитесь на нее! — Это были Розенкранц и Гильденстерн. «Кпти, кпту, кпту, — говорили они (упражнение для дикции), — нам надо спешить: «Гамлет уже сидит...»

В окошечке кассы виднелась профессионально красивая женщина: королева-мать. Она протянула мне бокал. В нем была пачечка билетов метрополитена. Я изколол эту пачечку на шпаги Розенкранца и Гильденстерна. Они запечатали пачечку в конверт и унесли его куда-то, понятия не имея, что именно в нем находится.

В вагоне молоденький парень сидел и деловито читал газету. Перед ним стояла пожилая Гекуба. Ах, что ему Гекуба!

Поезд подошел к станции «Таганская». «Осторожно, двери открываются!» — прошептала тень отца Гамлета. Из вагона высыпали лорды,

леди, стражники, матросы и гонцы. По перрону ходили два могильщика.

Навстречу по эскалатору спускался занавес. В нем стояли, лежали и жили обитатели Эльсинора, переведенные в актеров. На ступеньке эскалатора сидел Гамлет, смотрел на гитару и издевался над нею: «А на мне играть нельзя!»

При выходе из метро осветители и пиротехники развешивали занавес. Потом пришли бутафоры и унесли занавес, чтобы я смог выйти.

Я подошел к дверям театра: занавес был уже там. Я помог осветителям разобрать занавес и вошел. На полу в вестибюле сидел Гамлет. «Пока зрители не собрались, си-

жу здесь, — простецки сказал он, играя на балалайке и напевая: — «А в это время Фортинбрас, а в это время Фортинбрас пе-ре-хо-дил гра-ни-цу!» Вестибюль набился битком, началась сцена «Мышеловки».

В фойе ландскнехты с факелами продавали программки спектакля, украшенные каждой семью печатями, за которыми скрыт режиссерский замысел. Снова появилась Офелия: «Есть лишний билетик...», — безумно прошептала она. Ее унесли четыре капитана.

И вот мы снова у подъезда Театра на Таганке... А теперь попробуйте достать этот самый лишний билетик.